

КІЕВСКАЯ ИСКУСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII ВѢКА, ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ДРА- МАТИЧЕСКАЯ.

(Продолжение ¹).

I

Обращаясь къ первому періоду южнорусской искусственной драмы XVIII вѣка, мы должны оговориться, что отъ него дошло до насъ только два произведенія: „Свобода“, 1701 года, и „Мудрость предвѣчная“, 1703 года, притомъ же первое изъ нихъ въ настоящее время недоступно для нашего изслѣдованія ²). Но такъ какъ эти два произведенія

¹) См. Труды Кіев. дух. Акад. 1849 г. апрѣль.

²) Припомнимъ обстоятельства изъ жизни Кіев. Академіи, которыя могли подать поводъ къ составленію этой пьесы. Въ 1700 г. она именовалась еще коллежю. Въ этотъ году повторилась одна изъ крупныхъ ссоръ и свалокъ между кіевскими школьниками и горожанами. Кіевскій магистратъ жаловался государю на „убійства и разоренія“ отъ студентовъ, а кіевскій митрополитъ Варфоломій Ясненскій и Рязанскій митрополитъ Стефанъ Яворскій были членомъ о самоуправствѣ кіевскихъ мѣщанъ надъ студентами. Выселѣ съ глѣ митрополита просили пожаловать ихъ собственнымъ академическимъ судомъ, какъ то было издавна, надъ провинившимися студентами и освободить ихъ отъ безчинства и дерзости кіевскихъ мѣщанъ. Въ отвѣтъ на это челобитіе, 26 сентября, 1701 г. Петръ Великій далъ жалованную грамоту Кієво-могилянскій коллегии. Въ этой грамотѣ, впервые именующей коллегию академіей, между прочимъ предписывается обикновеннымъ мѣщанамъ искать управы на студентовъ, въ случаѣ ихъ вины, у ректора и префекта. Если бы послѣдніе не удовлетворили просителей, то жалоба можетъ быть перенесена на нихъ митрополиту, и только за отказомъ митрополита разрѣшается обращаться мѣщанамъ къ общему суду кіевскихъ воеводъ (см. дѣло о семъ въ газетѣ Кієвлянина, 1878 г. № 4. Грамота Петра I, отъ 26 сентября, 1701 г., издана въ Памятн. Временъ Коммиссіи, Кієвъ, т II, стр. 325). Можетъ быть, по поводу этой свободы отъ общаго суда, или съ намѣнами на нее, написана пьеса „Свобода“, 1701 года. Хранится въ Иркутской Семинаріи.

представляют изъ себя продолженіе южнорусскаго театра XVII вѣка, то исторія послѣдняго объяснитъ намъ то состояніе, въ какомъ находился южно русскій театръ въ самомъ началѣ XVIII вѣка, до Θεοφана Прокоповича.

На основаніи имѣющихся въ настоящее время данныхъ, все южнорусскія драматическія пьесы можно раздѣлить по ихъ назначенію, содержанію и выполненію, на три разряда: духовныя мистеріи, ведущія начало свое отъ пассій и приуроченныя къ днямъ воспоминанія о страданіяхъ и смерти Спасителя, весеннія и лѣтнія рекреационныя пьесы, рекомендуемыя и духовнымъ регламентомъ для духовныхъ воспитанниковъ, и рождественскія представленія, имѣющія тѣсную связь съ южно русскимъ народнымъ вертепомъ.

Прежде всего явились на югѣ Россіи духовныя мистеріи, приуроченныя къ днямъ воспоминанія о страданіяхъ и смерти Спасителя. Ближайшимъ поводомъ къ водворенію ихъ на югѣ Россіи, безъ сомнѣнія, послужили богослужебныя пассіи, заимствованныя южно-русскою церковію отъ польско-католической, въ первой половинѣ XVII вѣка. Одна темная замѣтка на рукописи Кіево-Михайловскаго монастыря, за № 1644-мъ, даетъ право предполагать, что пассіи введены въ южной Россіи при кіевскомъ митрополитѣ Іовѣ Борецкомъ, на кіевскомъ соборѣ 1629 года ¹⁾. Сохранился и самый чинъ этой пассіи въ южно-русской рукописи XVII в. Съ нимъ имѣетъ близкое родство одно изъ древнѣйшихъ драматическихъ произведеній южно-русскихъ подъ заглавіемъ: „Дѣйствіе на страсти Христовы списанное“ ²⁾. Оно писано на польско-русскомъ языкѣ, а „пѣніе“ (кантъ) написано даже на чисто-польскомъ языкѣ. „Прологъ“ этой пьесы такъ выражаетъ главную мысль ея:

1) Кіев. Епарх. Вѣдом., 1874 г., № 7, съ Рук.вод. для с. п., 1876 г., № 8.

2) Рук.оп. Кіево Соф. собора № 362

3) Рук.оп. Кіев. Акад., по печатному Описанію № 420, стр. 387, въ концѣ

О смутная во свѣтѣ явился година,
Жалю неутоленнаго открыся причина:
Властительскую силу пріять зависть въ свѣтѣ.
О любовномъ нигдѣ же не слышать совѣтѣ.
Исполнися ярости единоутробныхъ
Братій сердце, егда злость движе преисподнихъ
Силы, дабы ся во всемъ свѣтѣ простирила
И единоутробныхъ братій побудила
До зазрости, иже днесъ любовь преминяють
Въ ярость, гды ковь на братій своихъ воздвизають,
Любви своей ко любвѣ не хтятъ наклоняти,
Совѣтують братіи своей пострадати.
Аще нѣкии въ паствѣ овецъ пребываютъ,
Обаче отъ истинной пути заблуждаютъ,
Егда себѣ рекоша смертію умерети
Братіи безвинной. Сей позоръ узрѣти
Изволте, гдѣ и любовь будетъ умирати,
Ея же сграданія добро есть внимати.

Главное содержаніе этого „Дѣйствія“, раздѣленнаго на три акта, составляетъ борьба богини вражды Ериниѣсъ съ Любовію. Въ первомъ актѣ Ериниѣсъ, разгнѣвавшись на Любовь, призываетъ изъ ада фурій и вмѣстѣ съ ними возстановляетъ Каина противъ Авеля и дѣтей Іакова противъ брата своего Іосифа. Во второмъ актѣ Ериниѣсъ хвалится своєю побѣдою надъ Любовію и, окруженная міромъ и семью грѣхами, возсѣдаетъ на престолѣ. Гоноръ Божій, вмѣстѣ съ Отыщеніемъ, хочетъ погубить ихъ; но Любовь умоляетъ Отыщеніе, чтобы оно оставило жизнь злобѣ адской, потому что сама хочетъ умереть за родъ человѣческій. Въ третьемъ актѣ изображаются страданіе и смерть самой воплощенной Любви—Христа Спасителя. „Дѣйствіе на страсти Христовы“ заканчивается рыданіемъ Плача объ умершемъ и во гробѣ положенномъ Христѣ и не доводится до воскресенія и вознесенія Господня, какъ это дѣлается въ позднѣйшихъ ие-

сахъ. На основаніи этого плачевнаго окончанія пьесы можно думать, что она писалась не для рекреационныхъ игръ и не для забавы, а для возбужденія скорби о распятомъ Господѣ, и потому болѣе всего приличествовала великопостнымъ днямъ, посвященнымъ воспоминанію страданій Спасителя.

На время написанія этой пьесы намекаетъ отчасти прологъ и нѣкоторые внутренніе признаки самой пьесы. Въ этомъ прологѣ говорится о враждѣ единоутробныхъ братій. Можетъ быть, подъ этою враждою единоутробныхъ братій разумѣются малорусскіи волненія и раздѣленія, начавшіяся въ гетманство Выговскаго и кончившіяся миромъ Россіи съ Польшою въ 1686 году. Въ такомъ случаѣ „Дѣйствіе въ страсти Христовы“ писано никакъ не позже этого года.

Это „Дѣйствіе на страсти Христовы“ имѣетъ для насъ особенную важность потому, что содержаніе его воспроизводится въ интересующей насъ мистеріи 1703 года, подъ заглавіемъ—„Мудрость предвѣчная, во едемскомъ душу разумную вертоградъ наздавшая“ и проч.¹⁾ Здѣсь такъ же, какъ и въ „Дѣйствіи на страсти Христовы“, выводится на сцену Вражда (соотвѣтствующая Еришнѣ въ „Дѣйствіи“), которая торжествуетъ побѣду надъ миромъ и радуется раздѣленію, произшедшему между Богомъ и душою человѣческою. Въ третьемъ актѣ является Любовь и рѣшается сама пострадать для примиренія души съ Богомъ. Конечъ мистеріи такъ же печальный, какъ и конечъ „Дѣйствія на страсти Христовы“, и слѣдовательно указываетъ на отношеніе ея къ церковнымъ воспоминаніямъ о страданіяхъ и смерти Спасителя.

Но „Мудрость предвѣчная“ 1703 года, имѣя несомнѣнное родство съ „Дѣйствіемъ на страсти Христовы“, отличается отсутствіемъ классическихъ фабулярныхъ именъ, теп-

¹⁾ См. изложеніе ея въ Трудахъ Кіев. дух. Акад., ноябрь, 1866 г., стр. 312 и сл.

лотою религіознаго чувства, сравнительною живостію и лучшимъ языкомъ. Въ подтвержденіе нашего отзыва о ней, приведемъ одинъ кантъ изъ втораго дѣйствія. По поводу гибели души первозданныхъ людей, само небо въ этомъ кантѣ печалится. Въ небѣ слышится пѣніе:

„Горькія слезы точити начнѣте,
Звѣзды, планеты и солнечный свѣтъ!
Паде вашъ зритель, паде въ устнѣ аду
Въ смертну ограду.
Постыж, земле, трепетѣ, ужасно!
Твое падеся строеніе красно,
Падеся вѣчнѣ вся твоя оздоба
До адака гроба, и проч.

Однако эта пьеса, при всѣхъ своихъ относительныхъ достоинствахъ, не объясняетъ собою дальнѣйшаго развитія южно-русской драмы, какою она является у Теофана Прокоповича, т. е. во второмъ періодѣ ея развитія. Посредствующую ступень между тѣмъ и другимъ періодомъ представляетъ изъ себя мистерія объ Алексѣй челоувѣкѣ Божіемъ, 1674 года ¹⁾). Хотя она, какъ и предыдущія, имѣетъ священныя характеры; но, будучи представлена на „публичномъ діалогѣ“ и не имѣя непосредственнаго отношенія къ церковно-богослужебнымъ воспоминаніямъ и дѣйствіямъ, скорѣе могла допустить себѣ соприкосновеніе съ современной дѣйствительностью. Она написана и представлена была въ честь Алексѣя Михайловича, „въ знаменіе вѣрнаго подданства“, съ предвѣщаніемъ царю въ эпилогѣ вѣрной побѣды въ предстоящей войнѣ съ турками, которая уподобить его Константину Великому. Подобныя мистеріи, вѣроятно, и подали поводъ Теофану Прокоповичу развить, подъ вліяніемъ классическихъ воспоминаній, тотъ родъ драматическихъ

¹⁾ См. о ней „Наука и литература при Петрѣ Великомъ“, Пекарскаго, т. 1, стр. 394—6; Лѣтописи русской литературы, Тихонравова, кн. 5.

пшесь, которыя писались не для церковно-религіознаго употребленія, и дать имъ отечественное содержаніе.

II.

Съ именемъ Ѳеофана Прокоповича извѣстны въ области драмы: трагедокомедія „Владиміръ“, 1705 года, и два діалога или разговора, не предназначавшіеся впрочемъ для драматическаго представленія, а именно: „разглагольствіе тектона сиестъ древодѣла съ кушцемъ“ и „разговоръ гражданина зъ селяниномъ да съ пѣвцемъ или дячкомъ церковнымъ“. По всей вѣроятности, и эти произведенія писаны имъ по классическимъ образцамъ. О первомъ изъ этихъ произведеній Н. И. Гибдичъ писалъ впоследствии слѣдующее: „произведеніе это для наблюдателя отечественнаго просвѣщенія есть явленіе, по своему времени чрезвычайно необыкновенное и заслуживаетъ вниманіе по многимъ отношеніямъ. Сочинителю были извѣстны образцы театра, и онъ не былъ незнакомъ съ театромъ древнихъ, по крайней мѣрѣ съ трагедіями Сенеки“, и пр. ¹⁾ Мы съ своей стороны замѣтимъ только, что трагедокомедія „Владиміръ“ составлена скорѣе по образцу Плавтовой трагедокомедіи *Amphitruo*, упоминаемой и въ самой интитулѣ Прокоповича, чѣмъ по образцу Сенеки. Что же касается разговоровъ Прокоповича, то по всей вѣроятности они составлены по подражанію разговорамъ Лукіана Самосатскаго, одного изъ любимыхъ Прокоповичемъ авторовъ, какъ это видно изъ его реторики. Тѣмъ не менѣе, слѣдуя по формѣ классическимъ образцамъ, указанныя произведенія Прокоповича содержаніе свое почерпали изъ отечественной исторіи и жизни.

Полное содержаніе трагедокомедіи Ѳ. Прокоповича слѣдующее: „Владиміръ славено-россійскихъ странъ князь и

¹⁾ Письмо Н. И. Гибдича къ графу П. П. Румянцеву въ Библиограф. Запискахъ 1859 г., т. II, стр. 623.

повелитель. отъ невѣрія тмы въ свѣтъ евангельскій приведенный Духомъ Святымъ отъ І. Хр. 988, нынѣ же въ Православной Академіи Могилѣвской Кіевской на позоръ русскому роду отъ благородныхъ русскійскихъ сыновъ, добръ здѣсь воспитуемыхъ, дѣйствиемъ, еже отъ пить нарицается трагедокомедія, лѣта Господня MDCCV, іюля 3 дня показаній¹⁾. Трагедокомедія эта состоитъ изъ пяти дѣйствій. Главная цѣль ея — сопоставить славянское язычество съ православнымъ христіанствомъ, оправдать послѣднее рациональнымъ образомъ и, въ противоположность первому, выставить православную вѣру, какъ основаніе истиннаго просвѣщенія и успѣховъ Россіи. Язычество здѣсь представляется въ связи съ необразованностію; напротивъ, образование составляетъ существенную черту православія. Вотъ какъ, на примѣръ, св. Владиміръ объясняетъ коснеше русскихъ въ ірубомъ язычествѣ

. . . родъ нашъ жестокъ и безсловный

И письменъ ненавидяй есть сему виновный.

Въ трагедокомедіи „Владиміръ“ высшее сознаніе христіанское встрѣчается съ низшимъ языческимъ и представляетъ послѣднее въ комическомъ видѣ. Такимъ образомъ, соотвѣственно названію пьесы трагедокомедіей, въ ней рѣзко выдаются двѣ стороны — комическая и высокая. По отношенію къ первой жрецы языческие играютъ главную роль: они представляются обманщиками, шарлатанами, невѣжами, заботящимися только о чревѣ. Лучшими въ комическомъ отношеніи мѣстами изъ разсматриваемой трагедокомедіи считались — описаніе козла, представленнаго Владиміромъ для языческой жертвы, и описаніе пресыщеннаго жреца Жеривола. „Прекрасно, — говоритъ кіевская пинтика 1735 года, — описаніе козла въ трагедокомедіи славнѣйшаго Теофана, гдѣ Жериволь жалуется предъ Ярополкомъ на Владиміра,

¹⁾ См. о ней въ Трудахъ Кіев. дух. Акад., іюль, 1866 года.

что онъ пересталъ приносить богамъ тучныя жертвы, и по-
этому подозрѣваетъ его даже въ пренебреженіи къ богамъ.
Онъ жалуется такимъ образомъ:

. . . Слыши тайну странну:

Первѣе онъ ко богамъ и жерцомъ пространну
Имъ руку: и егда жертву приношаше,—

Радость, праздникъ, торжество, веселіе наше
Бѣ тогда: волны толсты и тучныя бравы

Убиваемы бяху и довольно страви
Не бози токмо, но и жерци имѣяхомъ;

И не токмо нимало тогда не алкахомъ,
Но вѣруй ми, о княже, жрецъ Перуна бога
Добрѣ чрево исполнилъ отъ тука премного.
Но уже тую щедрость измѣни: о студа!

Даде вчера единого козла тако худа,
Тако престарѣлаго, тако безтѣлесна,—

Еще ножа не пріяхъ, а смерть самохотна
Постиже его. Гнѣвъ ли уби его божій?

Пли яко не бѣ въ немъ кромѣ лихой кожи
И подъ кожею костей тѣлесе ни мало?

Что́ убо мнится тебѣ, кое се настало
Время? Не намъ се нужда творится. но—о студа!
Нездше измрутъ бози. . .

„Также и самъ Жериволь, о которомъ Пѣляръ разска-
зываетъ Курояду:

. . . Видѣхъ, когда запитанный многими онъ жертвами
лежалъ во хладѣ,

А чрево ея было превеликой кладѣ
Подобное. Обаче въ ситости толикой
Знаменіе бысть глада и алчбы великой:
Скрежеташе зубами намнозѣ безъ мѣри,
Движа уста и гортань, и достойно вѣри

Слово твое, Пѣаре! время не имѣеть,

И во снѣ жретъ Жериволь, и проч.“¹⁾).

Возвышенную сторону трагедокомедіи представляет исторія обращенія св. Владиміра къ православной вѣрѣ. Въ третьемъ дѣйствіи Владиміръ съ дѣтьми, Борисомъ и Глѣбомъ, совѣтуются на счегѣ философа, присланнаго къ нему отъ византійскаго императора. Жериволь приходитъ къ Владиміру и проситъ жертвы для боговъ, которые, вслѣдствіе прекращенія жертвоприношеній, отоцали и заболѣли. Владиміръ отвѣчаетъ на эту просьбу насмѣшкой и требуетъ отъ Жеривола, чтобы онъ состязался съ философомъ. Въ слѣдующей за тѣмъ сценѣ Владиміръ со своими сыновьями вступаетъ въ разговоръ съ греческимъ философомъ о православной вѣрѣ. Этотъ послѣдній подробно говоритъ имъ о бытіи Божіемъ, вѣчной жизни, будущемъ судѣ и мукахъ въ аду, и проч. По окончаніи разговора, философъ удаляется; а Борисъ и Глѣбъ совѣтуютъ отцу принять православную вѣру. Владиміръ отсылаетъ дѣтей, говоря:

Отъидиге на время! Азъ здѣ совѣтую

Паединѣ со мною.—Зѣ воску имуть дѣти

Сердце, скоро ихъ на вся приклонишь совѣти.

Оставшись паединѣ, Владиміръ вступаетъ въ разговоръ съ олицетворенными гордыми и хульными помыслами, но всѣ они—противъ ученія Христова. При всемъ томъ Владиміръ твердо рѣшился оставить язычество и послѣдовать ученію христіанскаго философа. И вотъ, въ пятомъ дѣйствіи является Мечиславъ и Вождь храбрый, которые объявляютъ жрецамъ волю князя ввести въ Россіи христіанскую православную вѣру и истребить языческихъ боговъ. Жрецы, Пѣаръ съ Куроядомъ, въ страхъ отъ ожидаемаго мщенія Перуна; но кумиръ его разбить безъ всякихъ знаменій, безъ

¹⁾ Praecepta de arte poetica, 1735 года, рукопись Киев. Академіи, по печатному Описанію № 424, кн. 1, глав. 5, § 1.

небеснаго мищенія. Пѣаръ остался очень доволенъ этимъ и просить храбраго Вождя разсказать ему о крещеніи Владиміра. Храбрый Вождь, описавъ торжество и величіе церемоніи, прибавляетъ: „азъ объятый страхомъ радостнымъ, забыхъ, гдѣ есмь; сердце же во мнѣ трепеташе“. Въ послѣднемъ явленіи вѣстникъ приноситъ грамоту отъ великаго князя Владиміра, называющагося уже Василиемъ, а въ заключеніе является хоръ апостола Андрея съ ангелами, въ которомъ, между прочимъ, дѣлается привѣтствіе Варлааму Ясинскому и Стефану Яворскому, замаскированное описаніемъ или ихъ виѣшности, или гербовъ ихъ.

Св. апостолъ Андрей Первозванный и св. Владиміръ, выводимые въ возвышенной части пьесы, перѣдко останавливали на себѣ вниманіе и прежнихъ южно-русскихъ писателей, особенно въ трудныя минуты тяжелой борьбы здѣшняго православія съ польскимъ католицизмомъ, такъ какъ первый изъ нихъ предрекъ будущее просвѣщеніе Россіи свѣтомъ православія, а другой былъ орудіемъ исполненія сего пророчества. Въ подтвержденіе этого мы имѣемъ сборникъ южнорусскихъ стихотвореній половины XVII вѣка, представляющихъ популярное изложеніе всѣхъ догматическихъ и религіозно-бытовыхъ разностей между православіемъ и польскимъ католицизмомъ. Здѣсь, между прочимъ, авторъ, обращаясь къ русскому народу и къ русскимъ монахамъ, разсказываетъ имъ о томъ, „какъ Андрей святыи апостолъ пришелъ въ Кіевъ градъ къ невѣрнымъ“, говоритъ „о крещеніи русскомъ“ чрезъ равноапостольнаго князя Владиміра и убѣждаетъ своихъ соплеменниковъ твердо держаться отеческихъ предацій и не поддаваться латинскимъ соблазнамъ ¹⁾. Вѣроятно, и Теофанъ Прокоповичъ говоритъ въ своей трагедокомедіи о св. князѣ Владимірѣ и апостолѣ Андрѣ въ полемическихъ видахъ съ католиками. Принимая

¹⁾ Рукопись Кіев. Акад., по печатному Описанію № 234; см. Труды Кіев. дух. Акад., іюнь, 1872 года.

во вниманіе съ одной стороны претензіи польскихъ католиковъ и особенно иезуитовъ производить начало христіанства въ Россіи изъ Рима, съ другой—непримиримую вражду Прокоповича къ иезуитамъ и папству, можно думать, что трагедокомедія эта написана, между прочимъ, съ цѣлю показать, вопреки иезуитамъ, происхождение христіанства въ Россіи съ востока. По крайней мѣрѣ Феофанъ Прокоповичъ между цѣлями русскаго краснорѣчія полагалъ и описание подвиговъ знаменитыхъ мужей отечества и церкви, „чтобы узнали наконецъ,—какъ онъ выражается,—пустѣйшіе, благоговѣющіе только предъ своими баснями враги наши, что не безплодны доблестію наше отечество и наша вѣра“¹⁾. Подтвержденіе этому естъ и въ самой трагедокомедіи. Въ разговорѣ греческаго философа съ Владиміромъ о православной вѣрѣ, изъ котораго, какъ болѣе интереснаго, встрѣчаются иногда выписки²⁾, философъ говоритъ, между прочимъ, объ исхожденіи Св. Духа отъ единого Отца и о страшномъ судѣ, не смягчаемомъ никакими предварительными очищеніями послѣ смерти. Самое описание обжорства и пьянства языческихъ жрецовъ повидимому намекаетъ на такіе же недостатки католическихъ монаховъ, о которыхъ Ф. Прокоповичъ говоритъ въ своей реторикѣ слѣдующее „Ничто не можетъ быть обжорливѣе и пьянственнѣе этого рода людей, такъ что не безъ справедливости можно сказать о нихъ, что они—изъ стада свиней Епикуровыхъ“³⁾.

Эта трагедокомедія въ теченіи всего почти XVIII вѣка служила образцомъ для другихъ подобныхъ произведеній южно-русскихъ, какъ увидимъ въ послѣдствіи.

Менѣ замѣчательны по внутреннимъ достоинствамъ и по вниманію публики два прозаическіе

¹⁾ De artherhetorica, кн 1, гл 8, въ рукоп. Киев. Акад., по Описан. № 418

²⁾ Рукоп. Киев. Семинар № 616

³⁾ De arte rhetorica, Прокоповича, кн 2, гл 8. Послѣднее выраженіе—изъ Лукіана Самосатскаго

діалога или разговора Прокоповича, а именно: »разглагольствоіе тектона си есть древодѣла съ купцомъ«¹⁾ и »разговоръ гражданина съ селяниномъ да съ пѣвцемъ или дьячкомъ церковнымъ«²⁾; но и эти діалоги, особенно послѣдній изъ нихъ, имѣли немаловажное значеніе въ исторіи русской литературы. Оба они, очевидно, писаны имъ уже на свѣрѣ Россіи, по нашему мнѣнію около 1716 года, направлены съ одной стороны противъ грубыхъ начетчиковъ и ложныхъ ревнителей староотеческихъ преданій, съ другой—противъ невѣжественныхъ представителей латинской учености³⁾ и послужили темами для сатирическихъ произведеній Кантемира.

Разглагольствоіе тектона или древодѣла съ купцомъ, вращаясь около догматической темы о вездѣсущіи Божіемъ, имѣетъ главною цѣлію своею доказать, что не грѣшно заимствоваться богословскими свѣдѣніями у иностранцевъ и особенно нѣмцевъ, и что Богъ находится вездѣ, не только въ русской землѣ, но даже и въ турецкой, хотя благодатію своею присутствуетъ только при вѣрующихъ и уповающихъ на Бога. Замѣтивъ въ купцѣ глубокія богословскія познанія, тектонъ спрашиваетъ его:

—„Когда ты, господине мой, и отъ кого изучился писаніямъ, проживая лѣта въ купечествѣ?

Купецъ. Егда бѣхъ въ нѣмецкихъ городѣхъ и тамо болѣзни ради приключіися полтора года неисходно пребывая, мѣсто отрады книги божественныя, т. е. библію читалъ; имѣхъ такого врача, которій кромѣ тѣлесныхъ болѣз-

¹⁾ Рукопись Кіев. Акад., по печати. Описан. № 300, л. 434.

²⁾ Тамъ же, 401; см. рукоп. № 298, стр. 597—687.

³⁾ Что разговоры писаны около 1716 года, это заключаемъ изъ письма Прокоповича къ кіев. профессорамъ, 1716 г., гдѣ онъ говоритъ о грубыхъ начетчикахъ богословахъ и своемъ торжествѣ надъ клеветниками изъ латинниковъ. См. Труды Кіев. дух. Акад., январь, 1865 года.

ней и духовнія недуги, паче же ради недоумѣнія, исцѣляти можаше, въ писаніи божественномъ зѣло искусенъ и книги отъ себе не аки отъ себе, но отъ писаній священныхъ сочиненія издавалъ по слѣдствию и съ похвалою отъ всего общества умныхъ людей“.

Но тектонъ считаетъ нѣмцевъ неправославными, еретиками, а ѡмѣстѣ съ ними и самого купца, какъ получившаго отъ нихъ богословскія познанія. Купецъ старается вывести своего собесѣдника изъ заблужденія, но всѣ его усилія не привели къ желанному результату. Тектонъ говоритъ

— „Азъ не изслѣдовалъ тѣхъ писаній; аще когда и чель оныя, но забылъ. Попрошу же ты, вездѣ ли убо есть и жителствуетъ Богъ?“

Купецъ. Чтѣ о семъ мене вопрошуешь, еже азъ многжды глаголю и утверждаю сие быти?

Тектонъ. И на небеси и на земли по вѣмъ странамъ?

Куп. Не инако.

Тект. Когда бы азъ пошолъ въ турецкую землю или индійскую область?

Куп. И гамъ би если не празновалъ съ топоромъ.

Тект. Съ топоромъ? Ни, азъ глаголю въ той конецъ, будетъ ли и въ тѣхъ или далечайшихъ еще подземныхъ сторонахъ и въ язицехъ Богъ со мною?

Куп. Азъ же и прошедь уже многія и далекія земли, и нигдѣ же николи же оставилъ мя Богъ.

Тект. Богъ поспѣшествовалъ въ промыслѣ твоємъ?

Куп. Не о семъ рѣчь,—не оставилъ мя Богъ, реку, вездѣ присутствующий.

Тект. И на морѣ пособствовалъ?

Куп. Непремѣнно! Глаголетъ бо Давидъ Псалм.: въ морѣ путіе твое и стези твоя на водахъ многихъ.

Тект. Аще и въ невѣрныхъ языческихъ странахъ Богъ есть, то чего ради поется въ церквѣ: съ нами Богъ, разумѣйте языци и покаяйтесь, яко съ нами Богъ?

Купецъ. И се тебѣ дивно! Всякъ сіе удобѣ разсудить, что о присутствіи съ нами благодати Божіей писано. яко Богъ за нами вѣрными своими поборяетъ противу языкъ, сохраняяи насъ отъ навѣтовъ вражѣихъ и спасаая благо-датию своею.

Въ „разговорѣ гражданина съ селяниномъ да съ пѣв-цемъ или дьячкомъ церковнымъ“ обличаются недостатки въ религіозной жизни русскаго народа, заключавшіеся или въ совершенномъ невѣжествѣ и отсутствіи основныхъ нрав-ственныхъ правилъ жизни, или въ поверхностномъ и лож-номъ образованіи. Главная роль въ этомъ разговорѣ при-надлежитъ гражданину, который получилъ основательное образованіе въ латинскихъ школахъ. Селянинъ, иди съ пѣв-цомъ или дьячкомъ „въ домъ питейный на кружку вина“, случайно встрѣтился съ гражданиномъ и обратился къ нему съ грубымъ вопросомъ. Обиженный гражданинъ назвалъ селянина простакомъ. Слово за слово, и между граждани-номъ съ одной стороны и селяниномъ и дьячкомъ съ дру-гой завязывается длинный разговоръ о необходимости знать молитвы даже и простолюдину, о невѣжествѣ въ религіоз-ныхъ дѣлахъ и его тяжести, и проч., во время котораго дьячекъ незамѣтно переходитъ на сторону гражданина. Въ общемъ ходѣ разговоръ этотъ слишкомъ растянутъ и вялъ; но въ немъ есть характерныя мѣста, стоящія вниманія. Таковы особенно два мѣста: одно о невѣжествѣ селянина въ религіозныхъ дѣлахъ, другое о латинскомъ ученіи и латин-никахъ невѣждахъ.

Селянинъ представляется въ разговорѣ упорнымъ не-вѣждою, не хочетъ ни слушать священника, если онъ го-ворить то, чего ни отцы, ни дѣды наши не знали, ни учиться грамотѣ, потому что онъ и безъ письма хлѣбъ ѣсть; и философы, по его разсужденію, „звѣздъ не сни-маютъ“. Сознавая и самъ свое невѣжество, селянинъ боль-шею частію отмалчивался, или же ворчалъ про себя: „отцы де наши не умѣли письма, но хлѣбъ довольный ѣли, и

хлѣбъ тогда лучше родилъ Богъ, нежели нынѣ, когда письменніи и латинники умножились“. Но иногда собесѣдники какъ-бы невольно вовлекали его въ разговоръ, и тогда-то открывалось грубое невѣжество селянина касательно вѣры и нравственности, еще ярче отгнѣняемое глубокимъ и правильнымъ взглядомъ гражданина на эти предметы. Когда собесѣдники старались убѣдить его, что за упорное невѣжество неминуемо послѣдуетъ надъ нимъ Божій гнѣвъ, селянинъ преспокойно отвѣчаетъ: „азъ никого же убилъ, ничтоже укралъ, не прелюбодѣйствовалъ,—чесо убо опасоватися имамъ на судъ Божиємъ“? Но собесѣдники обличаютъ его въ нарушеніи всѣхъ заповѣдей Божиихъ и въ нѣкоторомъ родѣ популяризируютъ „ученіе отрокомъ“ того же Ѳ. Прокоповича, гдѣ излагается ученіе о десятисловіи. Между прочимъ, гражданинъ спрашиваетъ селянина, не пожелалъ ли онъ когда нибудь себя чужаго?

„Селянинъ. Безъ сего и ангелъ, аще бы былъ въ тѣлѣ нашемъ и жилъ съ нами, не пребылъ бы, уповаю; но что потому хотѣли токмо чуждаго пожеланіемъ единымъ безъ исполненія одного? Я бы усердно хотѣхъ своего сосѣда Немѣна отнять дворъ помежъ моего сущій, зѣло къ погребѣ моей угодній и на пристойномъ, отвсюду издалече зримомъ и по всему красномъ мѣстѣ стоящій, при когоромъ и вода течеть, и лѣсъ густый растеть; но Немѣнъ не попускаетъ ми, развѣ когда умретъ онъ, яко часто болѣзнующій есть, тогда вслѣдствіи потщуся тотъ дворъ къ своему присовокупить; ибо и причины уже нѣкоторыя къ тому имѣю.

Гражд. Какія?

Селян. Взялъ у меня нѣчто денегъ займы и не отдаетъ, азъ же молчу не упоминаяся.

Гражд. Не хочетъ ли отдавати денегъ?

Селян. Какъ не хочетъ! Уже и приносилъ оніе, но азъ предувѣдихъ его принести имущаго денги, изъ дому умыслно втекалъ, а между тѣмъ срокъ отдачи пройдетъ, а погому дворъ мой будетъ, котораго давно желаю; дѣги же

Немѣновы молодѣтны суть, не умѣтимуть одстоивать за свое. Да то бѣдно мнѣ, что самъ не скоро умираеть“.

По поводу этихъ словъ, собесѣдники уличаютъ селянина въ желаніи смерти ближнему и въ мысленномъ убійствѣ.

Иъвецъ. Однако, можетъ быть, онъ не прелюбодѣйствовалъ, уповаю.

Селян. Въ семь я могу быть чистѣй; развѣ егда бѣхъ юнъ, тогда всяко случалось.

Иъвецъ. А нынѣ никакоже?

Селян. Никакоже.

Иъвецъ. За совѣсть рцы: аще и не младъ еси, не помышляеши ли николиже съ вожделѣніемъ жены чуждыя, наипаче егда краснолицную увидиши?

Селян. О своихъ дѣлахъ вопрошуеши мене тѣхъ не свѣдущаго.

Иъвецъ. Отнюдь?

Селян. Не глаголю отнюдь, но довлѣеть истину рещи, яко не памятую, аще когда такое вожделѣніе имѣю, кромѣ что временемъ пьяному мнѣ чуждыя жены лобизати токмо случается безъ всякаго грѣха.

Гражд. Всеу и дерзновенно, друже, чистымъ себе нарицаеши“.

Другое замѣчательное мѣсто разговора—о латынникахъ и латинскомъ ученіи. Селянинъ, уличенный своими собесѣдниками въ незнаніи самыхъ необходимыхъ религіозныхъ истинъ, обозвалъ ихъ „латынниками“. По этому поводу дьячекъ, исполнѣ подчинившійся убѣжденіямъ гражданина, просить его разрѣшить ему нѣкоторые сомнительные пункты кательно латинскаго ученія: угодно ли это учене Богу, пужно ли прилагаться въ наученія странная и различная, т. е. къ чужеземной наукѣ, и занятіе философіей не будетъ ли противно словамъ св. Писанія, въ которомъ сказано: „да никто же васъ будетъ прельщай философією“. Гражданинъ разсѣваетъ всѣ сомнѣнія дьячка, утверждаясь

на св. писаніи и примѣрахъ св. отецъ. „Философія,—говоритъ онъ,—не значитъ собою латинскій языкъ, ибо можетъ быть философъ и русскій человѣкъ, и на всякомъ языкѣ любомудрствовати можно... Иніи же философы не токмо никого же не прельщаютъ, но и богомудры бываютъ, употребляя ученія философская къ благому и къ пользѣ ближняго, якоже многіе и отъ св. отецъ были, которые философіи научившися, изъ того богословію основательно уразумѣть и самую истину познать лучше возмогли“.

Но, защитивъ латинское ученіе, гражданинъ показываетъ и дурныя стороны его и особенно нападаетъ на невѣждъ изъ латинниковъ.

„Писецъ. Аще свободно сказать истину, и латинники не вси письменніи“.

Гражд. Письменніи почитай вси суть, но не вси, сказуй, разумніи; иніи бо токмо читать или писать знаютъ и тѣмъ величаются; аще же разглагольствовать полатыни умѣютъ, уже зѣло себе мудрыхъ быти мечтаютъ, презирая гордо прочіихъ всѣхъ, неучившихся письма латинскаго.

Писецъ. И таковыи убо латинники отъ числа невѣждъ суть?

Гражд. Воистину и горшіи отъ невѣждъ имѣются... между ними есть еще многорѣчивыи невѣжды, которыи егда кто отъ правоумствующихъ обличаетъ ихъ суевѣріе или неправое исполѣданіе, ничто же сильное, къ разумѣнію истины близкое глаголютъ въ отвѣтъ, но отходя далече отъ вещи, о ней же есть бесѣда, краснословесіемъ мнѣніе свое утверждаютъ, истину же самую всячески закрываютъ и слышащихъ въ другую сторону отъ нея отводятъ, умыслно приискуя къ тому вѣтійственныя къ прельщенію на свое мнѣніе незлобныхъ сердець угодныя рѣчи и доводы, ащеи весьма неважные, однако благіе и слуху токмо пріятныя (къ Римл. 16, ст. 18). Изъ того, что вдается имъ тотъ способъ разговора, торжествуютъ, и сіи суть хитроупорніе невѣжды... Есть еще злобныя и завистливыя невѣжды, кото-

рыи завидуя на другихъ себѣ въ чести равныхъ, а наипаче на меньшихъ хотя достоинствомъ или возрастомъ, однако правоумныхъ и силу писанія лучше себе вѣдущихъ, и за то самое ненавидя ихъ, когда что доброе сказываютъ или проповѣдуютъ истину слова Божіи, отвращаются отъ нихъ и отъ Божіея словеси, не хотя ни слышати, ни разумѣти глаголемаго отъ устъ ихъ, аще и потребно быти къ наставленію своему по совѣсти знаютъ, и за симъ въ невѣденіи волею остаются.

Плв. Уже о сичевыхъ невѣждахъ и слышати отъ тебе непріятно ми есть.

Гражд. Не и ты ли отъ ненависти коея глаголеши сія, якоже ошіи близъреченніи невѣжды?

Плв. Пикакоже; азъ гнушаюся тѣми безсовѣстными невѣждами рѣкохъ оное.

Гражд. Обаче не могу не сказати еще, яко обрѣтаются симъ, о которыхъ рѣчь, подобніи, но всячески злобни, которыхъ егда кого не любятъ, паче же и ненавидятъ, преслѣдуя его, то онаго и проповѣдію и разговоромъ гнушаются и какъ сами ученія или рѣчи его богоразумныя не слушаютъ и слушати не хотятъ, умыслно удаляясь отъ того, такъ и иныхъ отъ слушанія отводятъ по злобѣ своей, имѣющейсѣ къ персонѣ того, который проповѣдуетъ; ненавидаще бо его самаго, купно и слова Божіи имъ сказуемаго ненавидаютъ, паче же и ученіе его, аще и правое и здоровое, злосовѣстнѣ охуждаютъ и въ омерзєніе другимъ того коварства ихъ невѣдущимъ подають...

Плвѣцъ. О Богу мерскіи и по всему проклятіи невѣжди!"

Прежде всего въ этихъ разговорахъ отражается личность самого Теофана Прокоповича. Нѣтъ сомнѣнія, что подъ купцомъ, конечно ищущимъ драгоценнаго бисера, и подъ гражданиномъ, которые выводятся въ разговорахъ Ѳ. Прокоповича, прежде всего разумѣется самъ авторъ ихъ. Это доказываютъ образъ мыслей и выраженія купца и гражданина, тождественный съ образомъ мыслей Ѳ. Прокопови-

ча въ другихъ его сочиненіяхъ, и нѣкоторые явственные намеки на обстоятельства изъ его жизни. Особенно это нужно сказать о ѣдкихъ выходкахъ гражданина противъ невѣжественныхъ латинниковъ, завидующихъ здравому ученію меньшихъ себя по сану и возрасту лицъ и злонамѣренно оуждающихъ ихъ. Теофанъ Прокоповичъ самъ испыталъ на себѣ нѣчто подобное, когда обвинялъ его въ неправотѣ ученія Стефанъ Яворскій съ подручными ему лицами, и вѣроятно намекалъ на это обстоятельство въ своемъ разговорѣ.

Но, отражая на себѣ личность Ѳ. Прокоповича и его убѣжденія, разговоры эти имѣютъ тѣсную связь съ эпохою царствованія Петра I, выражаютъ лучшія идеи и стремленія этого времени и въ этомъ отношеніи открываютъ собою рядъ подобныхъ имъ литературныхъ произведеній въ преобразовательномъ духѣ и особенно близко примыкаютъ къ сатирамъ Кантемира, которымъ обыкновенно начинаютъ исторію новой русской литературы. И Теофанъ, и Кантемиръ,—оба одинаково стоятъ за реформы Петра I и вооружаются противъ приверженцевъ русской старины и недочувшихся латинниковъ. Такъ напр. Ѳ. Прокоповичъ въ Регламентѣ разсуждалъ о заблужденіи многихъ, почитавшихъ науку виною ересей, а въ проповѣдяхъ и діалогахъ своихъ защищалъ реформу отъ упрековъ въ противорѣчіи вѣрѣ и уставамъ церкви. Тѣхъ-же людей обличаетъ и Кантемиръ въ слѣдующихъ стихахъ:

Критонъ съ четками въ рукахъ ворчитъ и вздыхаетъ
И просить свята душа съ горкими слезами
Смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между нами:
Дѣти наши, что предъ тѣмъ тихи и покорны
Праотческимъ шли слѣдомъ, къ Божіей проворны
Службѣ, съ страхомъ слушая, что сами не знали,
Теперь, къ церкви соблазну, библію честь стали,

Толкуютъ, всему хотять знать поводъ, причину,
Мало вѣры подая священному чину ¹⁾.

У Ѳ. Прокоповича въ разговорѣ гражданина съ селяниномъ да съ пѣвцомъ или дьячкомъ церковнымъ селянинъ говоритъ, что онъ и безъ письма хлѣбъ ѣсть, и что философы звѣздъ не снимаютъ: „отцы-де наши не умѣли письма, но хлѣбъ довольный ѣли, и хлѣбъ тогда лучше родилъ Богъ, нежели нынѣ, когда письменни и латинники умножились“. Подобное говорить и Силванъ въ первой сатирѣ Кантемира:

Силванъ другу вину наукамъ находить:

Ученіе, говорить, намъ голодъ наводитъ;

Живали мы прежь сего, не зная латынь,

Гораздо обильнѣе, чѣмъ живемъ мы нынѣ,

Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали;

Перенивъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли ²⁾.

У Ѳ. Прокоповича въ разговорѣ гражданина послѣдній, какъ мы видѣли, неодобрительно отзывается о нѣкоторыхъ неразумныхъ и многорѣчивыхъ латинникахъ, схватившихъ только верхушки ученія, гордащихся ими и презирающихъ тѣхъ людей, которые не учились письму латинскому. Подобнымъ образомъ отзывается о недоучившихся латинникахъ и Кантемиръ въ четвертой своей сатирѣ:

. . . Тотъ, кто латынью чуть помазалъ губы,

Хвастаетъ наукою и, оскаливъ зубы,

Смѣется и скучить всѣмъ долгими рѣчами ³⁾.

Особенно же много точекъ соприкосновенія между вторымъ разговоромъ Ѳ. Прокоповича и третьей сатирой Кантемира, написанной по программѣ десятословія и посвященной авторомъ любимому имъ архипастырю Новгородскому. Въ разговорѣ селянинъ невольно сознается въ грѣхахъ

¹⁾ Сатиры Кантемира. Спб 1762 г., стр. 4—5.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Тамъ-же, стр. 97.

противъ заповѣдей Господнихъ и между прочимъ въ желаніи смерти сосѣду Немѣну и захвата дома и въ пожеланіи жены искренняго. Тѣже самыя мысли развиваетъ и Кантемиръ въ третьей своей сатирѣ. Здѣсь, между прочимъ, говорится слѣдующее:

Не меньше мучить себя Зоилъ нашъ угрюмый:

Что ни видитъ у кого, то новыя думы,

Нова печаль, и не спитъ бѣдный цѣлыя ночи.

Недавно закинувъ онъ завистныя очи

Въ сосѣдній дворъ и видя, что домишко строить,

Который, хоть дорого цѣнить, ста не стоитъ

Рублей, поблѣднѣвъ весь вдругъ и въ себѣ не воленъ,

Горячкою заболѣвъ, по сую пору боленъ ¹⁾).

Въ другомъ мѣстѣ Кантемиръ выводитъ въ своей сатирѣ такого же похотливаго Сильвана, какимъ является у Ѳ. Прокоповича селянинъ.

. . . Чистую удачливо удить

Золотомъ мягкій Силванъ супругу сосѣда;

У Прокофья голодень вышелъ изъ обѣда ²⁾).

Самыя подражанія у Кантемира латинскимъ образцамъ иногда такія же, какія и у Ѳ. Прокоповича. Выше приводили мы подражаніе послѣдняго одной элегіи Овидія, начинающееся словами: „Когда плугомъ по небѣ бразды водить станутъ“. Подобное подражаніе и этой же самой элегіи Овидія мы видимъ и у Кантемира, въ слѣдующихъ стихахъ его первой сатиры:

Когда по небу сохой брозды водить станутъ,

А съ поверхности земли звѣзды ужъ проглянутъ,

Когда будутъ течь къ ключамъ своимъ быстры рѣки

И возвратятся назадъ минувшіе вѣки,

Когда въ постъ чернецъ одну ѣсть станетъ вязигу,—

Тогда, оставя стаканъ, примуся за книгу ³⁾).

¹⁾ Тамъ-же, стр. 72.

²⁾ Тамъ-же, стр. 69.

³⁾ Тамъ-же, стр. 8.

Мы замѣчали выше, что *Θ. Прокоповичъ* уважалъ *Лукіана Самосатскаго* и, вѣроятно, слѣдовалъ ему въ своихъ діалогахъ или разговорахъ. Тому же *Лукіану* слѣдуетъ въ нѣкоторыхъ своихъ произведеніяхъ и *Кантемиръ*, какъ это видно и изъ его собственныхъ примѣчаній.

Этимъ единствомъ содержанія и тона сочиненій *Θ. Прокоповича* и *Кантемира* объясняется солидарность между этими писателями, въ силу которой *Θ. Прокоповичъ* написалъ нѣсколько эпиграммъ въ похвалу и поощреніе *Кантемиру*, а послѣдній посвятилъ *Θ. Прокоповичу* третью свою сатиру. Какъ родственные писатели, они имѣли одинаковое почти вліяніе и на послѣдующую южнорусскую драматическую литературу, съ начала *Θ. Прокоповичъ* одинъ, а потомъ вмѣстѣ съ *Кантемиромъ*.

Н. Петровъ.

(Продолженіе будетъ).

